

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

«Русь, куда ж несёшься ты?.. Не даёт ответа...»

*Театр юного зрителя показал оригинальную постановку
гоголевских «Мёртвых душ»*

Юлия Баталина

Ставить «Мёртвые души» — благодарная работа для режиссёра. Есть прекрасная инсценировка Михаила Булгакова, есть специально написанная гениальная музыка Альфреда Шнитке. Простор для самовыражения постановщика — знай выдумывай мизансцены!

Однако главный режиссёр Театра-Театра Владимир Гурфинкель, взявшись за эту работу по предложению худрука ТЮЗа Михаила Скоморохова, решил всё сделать оригинально, начиная с инсценировки, которую написал завлит Театра-Театра Илья Губин. Хотя постановщик и отрицает, что спектакль навеян актуальными событиями в театральном мире, но что-то такое там слышится и видится, равно как и смутное эхо жарких споров об истории России в XX веке, которые уже раскололи и продолжают раскалывать гражданское общество.

Спектакль поставлен в жанре допроса, следствия и суда. Даже программка оформлена в виде казённой папки для дел, отмеченной грифом «хранить вечно» и архивными штампами и озаглавленной «Дело о русской жизни». Внутри кроме перечисления авторов спектакля и актёров содержится очень выразительные цитаты из гоголевской публицистики, а также высказывания великих писателей разных времён о Гоголе.

Впрочем, во время просмотра становится ясно: это, скорее, антураж — многозначительный, но антураж. Сам спектакль — это никакой не детектив, не судебная драма, а что-то вроде роудмуви, путешествия от одного персонажа к другому, и главное в нём — это как раз персонажи, фантазмагорические и в то же время очень живые образы. На пресс-конференции, предвещающей премьеру, Владимир Гурфинкель говорил, что старался уйти от карикатурности и в каждом из знаменитых гоголевских помещиков, чьи имена давно стали нарицательными, а они сами — олицетворением пороков, найти что-то живое и даже трагичное. Тем не менее актёры так смачно играют этих персонажей, что если это не карикатура, то по меньшей мере шарж.

Здесь каждый прекрасен. О каждом хочется спеть.

Плюшкин — Александр Красиков, который уже сыграл в ТЮЗе «нарицательного» персонажа из русской классики — Иудушку Головлёва, и сыграл просто блистательно. Здесь он громоздит пирамиду из табуретов, которые в этой постановке играют роль любого домашнего скарба, пытается с этой пирамиды не слезать, обнимает её руками («Моё!!!») и уморительно копается в складках и закоулках многочисленных ватников и полушалков, напыленных

один поверх другого, когда в припадке радушия решается угостить Чичикова трёхлетним сухариком.

Собакевич — Яков Рудаков, размашистый, в лохматой шубе на голое тело; Ноздрёв в замызганной манишке, очень смачно, с огромным драйвом сыгранный Дмитрием Юрковым...

Блестящая комедийная реприза — эпизод с Маниловым. Михаил Шибанов буквально вытанцовывает свою роль (на одной ноге — балетная туфля с пуантом), да ещё в дуэте с «душенькой»-женой, в роли которой — артист Дмитрий Гордеев, а у него в балетных туфлях обе... руки.

В роли помещицы Коробочки — тоже актёр-мужчина, Роман Кондратьев. Почему вдруг Гоголь играет «по-шекспировски», объясняется двойко: во-первых, «женских душ» на Руси практически не было, вернее, были, но отдавались бесплатно «в нагрузку» к мужским; во-вторых, по мнению Гурфинкеля, женщина не сыграет женщину так выпукло и гротескно, как мужчина: актриса начнёт искать психологические тонкости, а тут надо два-три штриха, зато крупных.

И получилось! И Коробочка, и супруга Манилова вызвали в зале и смех, и аплодисменты, а после спектакля — бурное обсуждение в восторженных тонах.

В целом же спектакль — настоящий бенефис Александра Смирнова. Его Чичиков из мелкого прохиндея, этакого дедушки Остапа Бендера превратился в протагониста. Гурфинкель и Губин щедро подарили ему знаменитые авторские высказывания о России, о дороге, которые артист произносит с искренностью, помноженной на фирменную харизму Смирнова. Ну, невозможно к нему относиться как к жулику, да и не требуется это.

Чичиков здесь не столько покупатель «мёртвых душ», сколько alter ego авторов — и Гоголя, и его современных театральных интерпретаторов. Он — исследователь той самой «русской жизни», на которую в спектакле заведено дело и идёт следствие, и он же — её олицетворение.

За Александра Смирнова очень радостно. Честно говоря, поклонники его бесспорного таланта несколько напряглись, когда он начал выступать на эстраде и принимать участие в коммерческих комедиях. Талант, конечно, не пропьёшь, но запросто можно «заиграть», спустить на набор штампов.

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

«Мёртвые души» показали, что Смирнов благополучно обошёл эту опасную дорогу: здесь он играет не только «от профессии», но и от сердца.

Гурфинкель говорит, что отправной точкой для создания спектакля стало то, что кроме всем известного первого и сожжённого второго томов «Мёртвых душ» Гоголь задумывал ещё и третий, в котором Чичиков оказывается на каторге в Сибири. Поэтому герой и его «подельник» Селифан, которого Александр Шаров играет как этакого «пацана на раёне», то и дело устраивающегося на корточках с характерной распальцовкой, вдруг оказываются одеты в некие подобия тюремных ватников, а вокруг — люди в форме. И это, конечно, никакое не справедливое наказание для мошенника, а просто русская судьба, мысли о которой, судя по спектаклю, совсем не веселят Гурфинкеля.

Чем ближе к финалу, тем больше в этой истории жути. Как оказывается, жуть в России всегда одна и та же — от гоголевской мистики с воскресшими мертвецами (мотив положения в гроб то и дело появляется в спектакле, и даже в программке воспроизведён соответствующий фрагмент из гоголевского завещания) до холодающей душу мысли о том, что много кому ещё придётся осваивать профессию швей-мотористки посреди таёжных просторов (Чичикову и Селифану приходится-таки) — всё это одна тоскливая русская покорность судьбе, пробуждающая самых разнообразных демонов.

И всё же в этой истории о дороге, о России и о том, насколько разные и забавные люди в ней живут, очень много красоты. За неё «отвечают» прежде всего художник-постановщик Ирэ-

на Ярутис, художник по свету Евгений Ганзбург и художник видеоарта Наталья Наумова, которые создали минималистичное, практически монохромное, но очень глубокое и многослойное — благодаря видео — пространство сцены. Финальный эпизод, происходящий на фоне заснеженного пейзажа, когда на сцене — «лес» гигантских, выше человеческого роста борщевиков, вызывает пощипывание в носу у каждого, кто бывал в пасмурный зимний день на заброшенных полях Пермского края, а бесконечные просторы с тянущимися рядами столбов и проводов, это, конечно, анахронизм, но простительный — ведь это образ бесконечной русской дороги, а он очень важен. Есть в этом что-то такое родное... Да, неустroенное, да, дикое... Но по-своему прекрасное.

«В унисон» с видео — саунд-дизайн постоянного соавтора Гурфинкеля Виталия Истомина, в котором слышатся то свиридовские, то моцартовские нотки, но лишь как маркер ситуации, ни в коей мере не как цитаты. Вообще, звук в спектакле очень изобретательный, очень выстроенный, и это касается не только музыки, но и речи, которая из обычной, бытовой вдруг превращается в этакую глас истины благодаря мастерской работе звукорежиссёра и профессиональным навыкам Александра Смирнова в работе со звуковой гарнитурой. Его призыв: «Гони, Селифан!», звучащий на протяжении спектакля неоднократно, благодаря этому эффекту становится призывом к вечному движению, манифестом некоей исторической силы, которая никогда не останется, той самой дороги, финал которой неведом, ибо Русь, как известно, не даёт на этот вопрос ответа.